

УДК 115

СТИХИЙНЫЕ ИНТУИЦИИ ВРЕМЕНИ В ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ**Т. Ю. Денисова**

*Кандидат философских наук, доцент,
e-mail: denisovasever86@bk.ru,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Тюменская область, Россия*

SPONTANEOUS INTUITIONS OF TIME IN THE COMMONPLACE NOTIONS**T. Yu. Denisova**

*Candidate of philosophical science,
associate professor,
e-mail: denisovasever86@bk.ru,
Surgut State University,
Surgut, Tyumen region, Russia*

Abstract. The article is focused on the analysis of everyday ideas about time, The article gives an analysis of everyday ideas about the time contained in Russian sayings, proverbs and idioms. The study is preceded by a characteristic of specific features of everyday knowledge in general, and in particular, such as categorical, anonymous, antinomic, contradictory, spontaneous. The idea of the genetic connection of the problem of time in the commonplace notions and philosophical knowledge with reference to such qualities and aspects of time as reality, objectivity, continuity, asymmetry, and also in relation to its role in human existence is substantiated.

Keywords: everyday knowledge; time; proverbs and sayings about time; the qualities of time.

Когда Бог создавал время,
он создал его достаточно.
Ирландская пословица.

Введение. С глубокой древности и до наших дней проблема времени остается в фокусе внимания различных областей знания – художественного, религиозного, научного, философского. Парадоксальность феномена времени, которое, будучи всегда «под рукой» как ресурс, инструмент ориентации и счета, вместе с тем обладает неуловимой, нерационализируемой сущностью, стала причиной возникновения огромного количества моделей времени, различных до противоположности и трудно согласующихся с его повседневным восприятием и использованием. Однако важно, что любой исследователь, в рамках какой бы области знания он не изучал проблему сущности времени, обладает изначальным багажом обыденных представлений. Эти представления, с одной стороны являются необходимым базисом

предпосылочного знания (то есть определяют исходную формулировку проблемы и служат отправной точкой рассуждений), а с другой стороны, не позволяют взглянуть на проблему совершенно незамутненным взглядом.

Обращение к рассмотрению обыденных представлений о времени, обусловлено, во-первых, их первичностью по отношению к другим формам знания, а, во-вторых, их тематическим разнообразием и содержательностью. Однако, используя обыденные утверждения в качестве исходных (а мы не можем миновать этого, даже если бы хотели) для дальнейшего теоретического осмысления проблемы времени, мы должны понимать и учитывать их специфику.

Специфика обыденного знания. Обыденное знание, чего бы оно ни касалось, категорично, оно не знает сомнений. Все, что оно делает предметом своего рассмотрения, предстает «само собой разумеющимся», понятным, очевидным, не

нуждающимся в обосновании и фактическом подтверждении. Время для обыденного сознания – некая объективная данность, в которой протекает повседневная жизнь, и правилами которой, извне данными, она обусловлена. Задача человека, соответственно, вписывать свое поведение, свои ожидания и оценки в рамки этих правил.

Обыденные представления о времени предстают, прежде всего, в форме предложений здравого смысла, поговорок, пословиц, загадок. В силу специфики этих жанров обыденное знание не столько задает вопросы, сколько выдает готовые ответы. Однако вместе с тем, как мы увидим, эти предложения полны амбивалентных смыслов, и, утверждая что-либо в одной поговорке, «мудрость веков» утверждает прямо противоположное в другой, и не в силу своей нелогичности или непоследовательности, а исключительно потому, что она обобщает пережитый опыт, а он различен. Следование жесткой логике потребовало бы отсечение всякой «бахромы», не вписывающейся в стройную схему, а отказ от «бахромы» означал бы отрицание очевидного. Между последовательностью изложения и однозначностью позиции с одной стороны и стремлением выразить само существо проблемы, пусть даже во внутренне противоречивых предложениях с другой стороны, обыденное мышление выбирает второе.

Обыденное знание прагматично и утилитарно. Оно не нуждается в логическом обосновании или опытном подтверждении, поскольку уже является результатом обобщения долгого опыта многих поколений, и оно не касается вещей, лежащих вне опыта (в этом смысле выражение «метафизика повседневности», вероятно, звучало бы оксюмороном). Оно непосредственно связано с измерением и использованием времени и не задается, как правило, метафизическими вопросами о том, что есть время (но не потому, что это не видит в этом для человека интереса, а по-

тому, что признает невозможность такого постижения), однако объясняет, как в нем существовать и как с ним уживаться.

Обыденное познание стихийно. В основе познавательной активности – необходимость решать насущные задачи, обусловленные ситуацией. Вместе с тем, закрепляется в обыденном знании, как правило, повторяющееся, стереотипное, значимое, по меньшей мере, для определенного человеческого сообщества. Хотя обыденное познание не формулирует проблему до ее решения, оно, тем не менее, целесообразно и направлено на максимально эффективное, проверенное временем решение стандартных проблем человеческого бытия в мире.

Обыденное знание претендует на объективность, поскольку апеллирует к коллективному опыту. Однако переживается оно, как актуальное, субъективно, и используется каждым членом сообщества как *универсальное* руководство, пригодное для решения именно его *индивидуальных* проблем. Тем самым обыденное знание соединяет в себе такие черты как объективность и субъективность.

Охарактеризуем далее несколько наиболее значимых тематических вариаций обыденного осмысления феномена времени, воплощенных в устойчивых вербальных формулах, пословицах и поговорках русского языка.

Содержание обыденных интуиций времени.

Прежде всего, в основе обыденных представлений о времени лежит убеждение в его реальности. Время никем и никогда не было создано, не имеет ни источника, ни начала, ни условий своего существования. Напротив, оно само является условием и источником всего сущего, его безусловным началом и основанием. Время существует объективно и не зависит от того, кто его воспринимает и «считает» («Часы для красы, а время по солнышку»). На ход времени повлиять невозможно («Время никого не ждет»,

«Вчерашнего дня не воротишь», «Солнышко дожидаться не будет»).

Во многих поговорках звучит идея о том, что время – хозяин и вещам, и человеку. Его власть над ними безгранична, как и его возможности («Время и камень точит», «Сила во времени»). С одной стороны, время порождает сущее, позволяет ему быть («Будет день, будет и песня», «Время выиграл – все выиграл»); а с другой, оно беспощадно уносит с собой все созданное в своем неостановимом течении («День прошел, все свое с собой унес», «Время ушло – счастье ушло», «Все до поры до времени»). Человек может лишь «ждать милостей» от времени, но ему не дано не только управлять им, но даже просто вступать с ним в диалог, договариваться, узнавать что-то за пределами отпущенного ему срока («О будущем судить – Бога гневить» (вариант – «чертей смешить»)). Вместе с тем время воспринимается как некий хранитель порядка и справедливости в мире: «Время все поправит».

Во многих устойчивых формулах время воспринимается как личность, наделенная собственной волей, и с точки зрения обыденного знания оно и лучший лекарь («Время лечит»), и лучший психотерапевт («Время придет – слезы утрет»), и лучший учитель («Время разум дает»), и лучший судья («Время рассудит»).

Именно время дает каждому существу свой срок и свое место в общем порядке. Все, что существует, подчиняется этому заданному порядку. Время делится на мерные части, обладающие собственным содержанием и смыслом, которые невозможно обменять местами. Имеет значение только то, что происходит вовремя, в свой срок: «Не время дорого, а пора». Время определяет всему свою «пору»: «Время цвести, время отцветать», «Всему свое время», «Делу время, потехе час». У каждого момента времени свое назначение («Что хорошо для вторника – худо для среды», «Иное время – иное бремя», «Утро

вечера мудренее», «Вовремя смех – не грех, а без времени и молитва ни к чему»).

Разные интервалы времени (даже одинаковые по длительности) обладают различной плотностью, значимостью («Дорога ложка к обеду», «Век долог, а час дорог» «Вовремя начать – наполовину выиграть», «Пропущенный час годом не догонишь», «Кто вовремя помог – тот дважды помог»). Нельзя ни упустить свое время, ни опередить его безнаказанно, и народная мудрость предостерегает и против одного, и против другого: «Не откладывай в долгий ящик», «Не спеши, коза, все волки твои будут».

Время человеческой жизни – исчерпаемый и невозвратимый ресурс, и ценность этого ресурса состоит именно в его краткости и однократности («У Бога все дни сочтены», «Не тем час дорог, что долог, а тем, что короток»). При том, что человек не может управлять временем, он может рационально распорядиться тем сроком, что дан ему («От времени возьми все, что можешь»). Упустить время легко («Неделя прокатилась, нигде не зацепилась»), но вернуть его невозможно («Что было, то былшем поросло»).

Время обладает ценностью, не сопоставимой с другими ценностями, в принципе не обмениваемой на них. Хотя мы и говорим «Время – деньги», но имеем в виду не их тождество, а только то, что выигрыш во времени может дать выигрыш в деньгах или то, что создание материальных ценностей требует времени, и потому затраченное время может быть выражено в денежном эквиваленте. Однако обратную конверсию совершить невозможно, и народная мудрость в этом не сомневается: «Время дороже денег», «Дни не копейки, годы – не рубли, их из кармана не выложишь», «Время деньги дает, а на деньги время не купишь».

Как всякий конечный ресурс, время делимо на части и исчисляемо. Причем, как измеримая величина, время не только

имеет собственные единицы измерения (секунда, сутки, год и т. д.), но и сопоставимо с другими величинами, вписано в общую сеть взаимодействий элементов реальности. Время связано, например, с движением и действием: сложность (а не только продолжительность) действия может обозначаться через временные интервалы («да это же минутное дело»), и наоборот – временной промежуток измеряется действием («не успеешь оглянуться, а лето кончилось»). Во многих поговорках подчеркивается, что разные дела могут требовать разного количества времени («Дай срок, не сбей с ног»), но в любом случае ничего не происходит «вдруг», само собой: «Не сразу Москва строилась». Количество затраченного времени часто пропорционально успешности предприятия: «Время и камень долбит».

Для обыденного сознания характерно также смешение пространственных и временных характеристик объекта или действия. Причем осознание связи времени и пространства доходит иногда до полной неразличимости, зафиксированной в языке. Э. Кассирер приводит примеры, когда в первобытных языках понятия «здесь» и «теперь» обозначаются одним словом. Причем это явление встречается и в некоторых современных языках [3]. В русскоязычной обыденной речи это встречается сплошь и рядом: «Ладно, там посмотрим» (в смысле «потом посмотрим»); «Здесь лучше бы промолчать» (в смысле «сейчас лучше промолчать»).

Обычной является практика измерять временем пространство и наоборот. Так, например, выражение «Одна нога здесь, другая там» используется для обозначения не небольшого расстояния, а стремительного его преодоления, то есть в значении не «близко», а «скоро». Пространство также может измеряться временем: «в двух минутах ходьбы» значит «недалеко». Соединение пространства и времени в единую систему координат, в которую помещена реальность, воспринимается

обыденным сознанием привычно и естественно. Интересно, что когда та же идея получает концептуальное философское научное оформление (начиная с Дж. Локка и заканчивая А. Эйнштейном), она воспринимается как нечто принципиально новое и небывалое, и не узнается в новом облики теми же носителями обыденного сознания.

Зачастую со временем соотносят степень ценности и значимости чего-либо или кого-либо. Выражения «У меня нет на это времени», «Мне некогда это обсуждать» означают, что «это» не вписывается в систему приоритетов говорящего (на что-то другое, по-настоящему значимое, у него время есть). Если у человека «нет времени» на встречу с кем-то (и она откладывается или отменяется), на обсуждение какого-то вопроса (и решение принимается без обсуждения), это может быть признаком того, что общение с этим человеком представляется говорящему ненужным, неприятным, незначимым, а отказ от обсуждения – признаком отсутствия интереса к иному мнению.

Время предстает в поговорках движущейся субстанцией, подобно потоку воды: «С тех пор немало воды утекло», «Ваше время истекло», «Время для этого еще не пришло (или «уже ушло»)». То есть время не просто связано с движением вещей, оно тоже есть вид движения, некое прадвижение или метадвижение, поскольку все движущиеся (изменяющиеся) вещи существуют не иначе как внутри этого движущегося времени. Вопрос о ходе времени – редкий, если не исключительный среди всех других вопросов о нем, на который обыденное знание отвечает однозначно, без тени сомнения: время движется. В философской мысли, вопрос о ходе (движении) времени является проблемой, но при этом идея движущегося времени либо просто принимается как самоочевидная, либо, если оспаривается, все равно продолжает служить отправной точкой рассуждений. Гераклиту зачастую оши-

бочно приписывают авторство идеи о течущем времени благодаря расхоже понятой фразе «Все течет». Однако даже у Гераклита свойство «течь» присуще исключительно вещам, существующим во времени, но не самому времени. Совершенно определенно звучит отрицание идеи хода времени у Аристотеля, который заявлял, что время нельзя мыслить как разновидность движения ($\kappa\iota\nu\eta\sigma\eta\varsigma$) или изменения ($\mu\epsilon\tau\alpha\beta\omicron\lambda\eta$), поскольку только изменение или движение может происходить с разной скоростью, но не время, которое само временем не измеряется. Отсюда определение, которое Аристотель дает времени: «Время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [1, с. 150].

Время связано с процессами, но само оно – не процесс, не движение, а лишь число движения. Однако, начиная с Плотина, образ движущегося времени становится универсальной культуремой, и редкие голоса, возражающие этому устоявшемуся представлению, вынуждены давать детальные обоснования своей позиции. Так, например, у Л. Витгенштейна мы находим: «Ни один процесс мы не можем сравнивать с «течением времени» – этого не существует, мы только можем сравнивать один процесс с другим (например, с ходом хронометра)» [2].

Обыденное сознание совершенно определенно воспринимает время в единстве трех его модусов, наделяя каждый из них специфическими характеристиками и оценивая с точки зрения значимости, управляемости и реальности. Прошлое обладает среди них наибольшей плотностью и реальностью, поскольку прошедшие события хранятся и в памяти, и в виде зримых последствий: «Где был, там нет, где шел, там след». Прошлое определяет настоящее, властвует над ним, само же при этом не подчиняется никакому управлению – его нельзя ни изменить, ни вернуть к жизни: «Прошлого не воротишь», «Вспом-

нила баба, как девкой была» «Старого дурака не перемоложивают».

Фундамент будущего, с одной стороны, закладывается настоящим («Что посеешь, то пожнешь»), а с другой, это будущее всегда чревато неожиданностями, которые невозможно предвидеть и подготовиться к ним: «Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет», «Не угадаешь, где найдешь, где потеряешь», «Поживем – увидим». Границы возможного и невозможного в будущем условны и размыты, и произойти может все, что угодно, как плохое, так и хорошее: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся», «На сусле пива не угадаешь», «Завтрему не верь». Общим для прошлого и будущего является то, что человек не властен над ними: «Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь». Единственный модус, хозяином которого человек может себя почувствовать, – это настоящее. Все призывы беречь время, рационально его использовать, не упускать касаются именно настоящего. Но вместе с тем именно настоящее, несмотря на то, что оно «здесь», обладает наименьшей реальностью в сравнении с другими модусами времени, поскольку представляет собой всего лишь момент перетекания будущего в прошлое, не подлежащий измерению («Время за нами, время перед нами, а при нас нет»).

Время не тождественно никаким «часам» – любые наши «часы», измеряющие время, условны. Обыденное знание склонно связывать время скорее с его природными референтами – движением солнца, количеством труда и т. д., чем, например, с ходом хронометра: «Часы на стене, а время на спине», «Часы для красы, а время по солнышку». Но даже, несмотря на эти эмпирически понятные отсылки, время остается непостижимой абстракцией, к пониманию которой неприменимы достижения нашего опыта относительно мира вещей. Время диктует правила вещному миру, но само этим прави-

лам не подчиняется: «Время времени не указывает», «Время времени не работник». «Время времени не работает». В этих довольно загадочных сентенциях смутно угадываются семена будущих философских размышлений о том, что время само по себе не является чем-то временным, – об этом, в частности, немало сказано выдающимся мыслителем XX века Мартином Хайдеггером [4, с. 393].

Среди утверждений о сущности времени, при всей их категоричности, столь свойственной «народной мудрости», легко встретить прямо противоположные. Сравним, например, такие пары: «Время красит, а безвременье сушит» / «Время краску с лица сгоняет»; «Время – не семя, а выведет племя» / «Время – не семя, не выведет племя», «Часом не нажиться, куском не наестся» (о том же – «Перед смертью не надышишься») / «Минута час бережет». Амбивалентность этих утверждений означает, по сути, признание бесконечной сложности феномена времени, которое поворачивается к нам то одной, то другой стороной, меняя в наших глазах свои свойства и обличья. При том, что мы имеем время «под рукой», распределяем его и пользуемся им, суть его для нас все же остается неуловимой.

Выводы. Обыденные представления о времени несут в себе общие особенности обыденного знания, такие, как стихийность, прагматичность, категоричность, антиномичность, при том, что его носители могут не замечать этой его внутренней противоречивости, с одинаковой убежденностью повторяя противоположные по смыслу сентенции здравого смысла. Обыденное знание о времени анонимно, но от этого не теряет своей авторитетности: если так «вообще говорят», значит, это не может быть неверным – «vox populi – vox Dei». Преодолеть или игнорировать тиранию его логики носителю определенной культуры и языка невозможно в силу первичности перед другими видами знания («Язык передевает мысли», по утвер-

ждению Л.Витгенштейна), но можно и нужно учитывать ее специфику. Тем более что ценность известных всем сентенций на каждый день несомненна. В них заронены семена таких аспектов проблемы времени как объективность / субъективность, прерывность / непрерывность, симметрия / асимметрия, амбивалентность проявлений времени в разных сферах реальности, отношения модусов времени, свойства времени как исчерпаемого ресурса, который необходимо учитывать при планировании и анализе действий и процессов. И самое главное, обыденное сознание, умеющее считать время и считаться с ним, во-первых, ясно артикулирует парадоксальность ситуации человека, который существуя не иначе, как во времени, не может понять, *что* есть время, а, во-вторых, дает возможность увидеть причину этого парадокса: чтобы понять, что есть время, нужно взглянуть на него из вневременного, подняться над временем, на что человек, обитатель прагматичной обыденности, неспособен именно в силу своей безнадежной временности.

Библиографический список

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. Т. 3 / Вст. ст. и прим. И. Д. Рожанского. – М. : Мысль, 1981. – С. 59–262.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Препозиция 6.3611. [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/29695>. Дата обращения: 15.05.2018.
3. Свасьян К. Философия символических форм Э. Кассирера. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophica.ru/svasian/24.htm>. Дата обращения: 15.05.2018.
4. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. – М. : Республика, 1993. – С. 391–406.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aristotel'. Fizika // Aristotel'. Sochineniya. V 4-x tt. T. 3 / Vst. st. i prim. I. D. Rozhanskogo. – M. : My'sl', 1981. – S. 59–262.
2. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. Prepoziciya 6.3611. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://knigosite.org/library/read/29695>. Data obrashheniya: 15.05.2018.

3. Svas`yan K. Filosofiya simvolicheskix form E`. Kassirera. [E`lek-tronny`j resurs]. URL: <http://philosophica.ru/svasian/24.htm>. Data obrashheniya: 15.05.2018.
4. Xajdegger M. Vremya i by`tie // Xajdegger M. Vremya i by`tie. – M. : Respublika, 1993. – S. 391–406.

© Денисова Т. Ю., 2018.